

Огни притона

Огни притона заманчиво мерцали,
А джаз Утёсова заманчиво гремел;
Там за столом мужчины совесть пропивали,
А девки пивом заливали свою честь.

Там, за столом, сидел красивый парень,
Он был мальчишечка с надорванной душой.
Он был дитя, когда отец его покинул,
Оставив жить их с матерью вдвоём.

Ребёнок рос, и мать его ласкала,
Сама не ела — всё сыну берегла.
С рукой протянутой на паперти стояла,
Дрожа от холода, в лохмотьях, без платка.

Но вырос сын, с ворами он спознался,
Стал водку пить и дома не бывать.
Он пропадал в малинах и шалманах¹
И позабыл свою старушку-мать.

А умирающая мать лежит в постели,
Болит и стонет надорванная грудь.
Она лежит в сыром нетопленном подвале,
Не в силах руку за копейкой протянуть.

Вот в двери стук, и двери отворились,
Вошёл в костюме он и в кожаном пальто,
Упал пред ней, сказал: «Мамаша, здравствуй!»
И больше вымолвить не мог он ничего.

«Сынок, постой, не уходи, останься
И пожалей свою старушку-мать!
Ведь о тебе немало горьких слёз пролито,
И ещё больше слёз придётся проливать!»

«Нет, не проси, с тобой я не останусь,
Ведь мы навек судьбой разлучены:

Я стал давно вором и уркаганом,
И у меня теперь не может быть семьи».

И он ушёл, тяжёлой дверью хлопнул
И не сказал ей больше ничего.
А мать с рыданиями зарылася в лохмотья,
Ей было больно за сына своего!

Наутро мать лежала в белом гробе,
А к ночи мать на кладбище свезли.
А сына родного с отчаянной шпаною
За преступления к расстрелу повели!

1 Шалман — притон, место для кутежа.

Жиганец. Ф. Блатная лирика. Сборник. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2001.

Другой вариант песни

Огни притона заманчиво сияют,
Мотив фокстрота заманчиво звучит –
Там за столом мужчины совесть пропивают,
Девицы пивом заливают честь свою.

А в стороне сидел один угрюмый
Одет в костюме и в кожаном пальто.
Он молодой, но жизнь его разбита,
Попал в притон и был заброшенный судьбой.

Он молод был, и мать его любила,
Сама не съест, а всё для сына сбережёт.
С рукой протянутой на паперти стояла,
Дрожа от голода в лохмотьях, без пальто.

Вот вырос сын, с ворами он познался,
Стал пить-курить, ночами дома не бывать,
Нашёл приют в притонах-ресторанах
И позабыл свою больну старушку-мать.

Вот скрип дверей – и двери открылись:
Вошёл в костюме и в кожаном пальто.
Стал на порог, сказал: «Мамаша, здравствуй!» –
И больше вымолвить не смог он ничего.

И мать больная, на локтях приподнявшись,

Глаза больные на сына повела:
«Что, сын, пришёл проведать свою маму?
Не мучь меня – давай останемся вдвоём».

«Ох, мама, мама, остаться я не в силах,
Ведь мы с тобою давно разлучены.
Я – вор, бандит, чужой забрызган кровью,
Я – атаман среди разбойничьей семьи».

А рано утром из старого подвала
В сосновом гробе мать на кладбищ унесли.
А её сына с шайкою бандитов
За преступление к расстрелу повели.

(Зап. от Яковлева А. А. в г. Бийске)

Яковлев Я. А. Век воли не видать. Тюремные и спецпереселенческие песни
Нарымского края. Томск, 2018.